

Настоящая публикация сделана по материалам издания:
«Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год» с.305-315
(сайт «Ивашек.com»)

С. Булгаков

Накануне (отрывок из непронесенной речи)

Текст печатается по номеру «Накануне» из *газетного* собрания РГБ.

Накануне. №5. Май, 1918. С.5-6.

Журнал «Накануне», выходявший в Москве весной 1918, был первым систематическим опытом интеллектуального преодоления большевизма.

Некоторое время журнал был недоступен. О нем знали только из свидетельств современников, упоминаний о публикации в нем статей Н.А.Бердяева и В.Н.Муравьева. Обнаружилось, что (из-за известной в начале XX века зыбкости границ между еженедельной газетой и еженедельным журналом — внешне они часто были неразличимы) «Накануне» следует искать не в журнальных, а в газетных собраниях библиотек. Так «Накануне» было найдено и описано.

«Еженедельник политики, литературы и общественной жизни», в объявлении о подписке обозначенный как «журнал», но сверстаный как газета, с вычленением нижней трети полосы под литературно-художественные «фельетоны», начал выходить 7 апреля и прекратился в июне 1918. Всего вышло семь номеров.

Статья Булгакова в «Накануне» может рассматриваться как один из текстов, творчески связанных с его диалогами «На пиру богов» в том же сборнике «Из глубины».

...Нам, людям церкви, ясны чужие вины, ясна вся гибельность того духовного рака, который разъедает нашу родину. Интеллигенция наша своим нигилизмом отравила народ; если раньше можно было лишь опасаться, что она погубит Россию, то ныне приходится признать, что и почти ее погубила. Недаром же Россия теперь чуть ли не самая безбожная страна в мире, празднующая свое отречение от веры в день Иуды Искариотского: ученики превзошли учителей. И однако же надо прямо сказать, что вся эта воистину загадочная сила нигилизма есть и некое бессилие исторической церкви, как сила мрака и тьмы заключается лишь в ослаблении света. Существует свет, а не мрак, который есть только не свет. Каким образом бездушные, тупые, неумные учения могли заслонить в сердцах величественное, светлое, радостное православие? Как возможно такое безвкусие и убожество? Разве от сладкого переходят к горькому, от высшего к низшему? Конечно, мы знаем, что русская душа подверглась здесь действию чужого яда, стала жертвой того отпадения, чрез которое проходит и весь христианский мир. Однако почему же не нашла она для себя оплота в чистоте православия, но отравилась ядом Иуды глубже, чем даже неправославные страны? Вот этот-то, как бы паралич, или историческое бессилие православия и есть загадка, над которой надо бы крепко задуматься, не смягчая всей остроты положения, ибо этого требует

действенное покаяние — смотреть правде в лицо, как бы ни была она тягостна. И нигилизм, и «темные силы», как у нас выражались, все это только симптоматика православия, знамения попущенного в нем оскудения, кризиса. Для ока веры истинной причиной великих бедствий русских и является это таинственное оскудение. Соль обуяла, а потому загнило и сохраняемое ею тело. О параличе православия говорят в разном смысле: одни имели в виду ныне уже ликвидированный синодальный строй, другие — бессилие иерархов пред Гр. Распутиным и вообще «сферами». Наша мысль идет дальше: и синодальный строй, и Гр. Распутин, и вся теперешняя разруха, и разложение священной исторической власти, и интеллигентский нигилизм, и народный большевизм, все это только разные симптомы единой внутренней болезни. Там, где должна ударить пророческая полнота и сила, пока побеждает немощь и робость. Как мог оказаться мистически возможен Распутин? Разве апостолы силою своего духа не преградили путь Симона и Елимы, волхвов сильных и могучих, а ныне апостольская церковь беззащитна оказалась пред грязным хлыстом, который устранен был не силою духа, но офицерскою пулею? Однако силы духовные не побеждаются револьвером и распутинская кровь разлилась по русской земле большевизмом с безумной его оргией, многоликое и многообразное распутинство отовсюду обступило нас. И вовсе не о вине отдельных лиц, державших или не державших обличать скомороха, мы думаем здесь, но о том, что православие, блистая подвигами святых и изобилуя благодатию, ему вверенною, оказалось исторически столь малосильно. Сим свидетельствуется наступление таинственных времен и сроков, определяющих духовные возрасты. В Апокалипсисе нам приоткрываются внутренние тайны истории, и мы видим связь событий, в духовном мире и на земле совершающихся. И русская революция для нас представляется теперь как внешняя земная грань во внутренней истории православия. Я не про внешние реформы, которые вырабатывались на церковном соборе, здесь говорю, не про церковную политику и общественность, все это может иметь колоссальное значение для внешней жизни церкви и при этом весьма малый вес мистический. Речь идет про те времена и сроки, с которыми связываются разные эпохи в жизни церкви, в ее духовном созревании. Вся революция есть только «надстройка над базисом» православия: события, извне нерелигиозные или даже антирелигиозные, непременно имеют свой религиозно-исторический коэффициент. И потому кризис православия есть и кризис России, всего мира.

Оскудело пророческое воодушевление. Страх осаждает. Смятение испуга оковывает. Таково самочувствие. Нет буйства и безумия священного, мало радости. Но что же означает этот кризис? Не есть ли он прямое свидетельство о неиссякающей силе православия? Не есть ли это попущенное изнеможение лишь приготовление к грядущему торжеству брачного часа, тьма, сгущающаяся пред зарею? Ведь и Ветхий Завет сверху донизу покрылся кожурой фарисейского законничества и, казалось, омертвел именно тогда, когда в недрах его зрело откровение Нового, и кризис ветхозаветной религии свидетельствовал лишь об ее силе и жизненности, и пред лицом новых

упований кризис старого, обуяние соли, может чувствоваться не как неполнота и слабость, но как повеление и зов. Православие есть истина и жизнь, и только потому оно и может иметь кризис в своем росте. Бодрствуйте, близ есть, вот о чем говорит нам эта ощущаемая ныне тревога кризиса, о радости новых откровений и озарений говорит нам она.

И в самом деле, если избытие творческих дум и задач есть источник радости духовной, то в какое мы радостное время живем. «Духа не угашайте и пророчества не унижайте», говорил апостол и поистине потребен нам дух пророческий. Не дадим себя запугивать безвкусицей и буффонадой религиозного дилетантизма, столь распространенного теперь. Если мы не должны вымогать пророчества, ребячески, ребячески развертывая нераспустившиеся бутоны, то мы можем его жаждать, быть им чреваты, болеть и гореть его вопросами, как болели и горели, ведь, тайновидцы, и Даниил, и Иоанн на о. Патмосе. Задачу верности православию мы слишком склонны понимать только охранительно, староверчески, впадая при этом в старообрядческое законничество. И при этом вина наша пред православием оказывается именно в том, что мы недостаточно его знаем, часто и не подозреваем сокровищ, которые таит оно в своем вероучении, символике, литургике, эстетике. А потому и не слышим от него тех духовных зовов и велений, которые звучат из его глубины, не ощущаем велений жизни, вечно движущейся и растущей. Не нам указывать пути и сроки Духу Святому, живущему в церкви. Но вопрошания своей эпохи мы должны слышать. Ибо православие не есть вата для затыкания ушей, чтобы не чувствовать запросов жизни. Оно есть огонь, который принесен на землю Спасителем. Православие есть источник блаженств, но оно не есть средство для духовного комфорта и никогда не бывает им в своих напряжениях. Оно есть горение и непрестанная боль прорезающихся крыльев, утоляемая безумной радостью. Православие есть величайшая искренность, а потому и беззаветная свобода, — безумное дерзновение, а потому и бесконечное послушание. Поэтому православие не только позволяет себя спрашивать, но повелевает это делать, в свете расширяющегося опыта все глубже постигать истину. Православие живет в истории, которая же не есть бессмысленное чередование событий, но процесс, созревание, творчество, а, следовательно, и неустанная работа религиозного сознания, опускающегося из вечного во временное и из временного прозирающего в вечное. И если взглянуть в таком смысле на нашу историческую эпоху, то она представится как тучная и разрыхленная почва, соответствующая особой зрелости духа. Быть может, со времени вселенских соборов не было еще эпохи более насыщенной догматическими запросами, с большей жаждою церковного осознания мировых судеб. Мы горим проблемами, вот уже в нескольких поколениях жгут они наше сознание. Если в эпоху вселенских соборов догматические вопросы относились ко второй ипостаси, имели христологический характер, то теперешние вопрошания имеют предметом тайны третьей ипостаси, Св. Духа. Не знаю, нужно ли и можно ли это разьяснять и доказывать. Ведь для тех, кто живет такими вопросами, это излишне. А те, кто сыт духовно и полагает, что всю работу

религиозного сознания за нас совершили святые отцы вселенских соборов, те увидят в этом суждении «декадентство» либо «хлыстовщину». Ведь попробовали же отговориться соображениями семинарского богословия да запрещениями от безмерной глубины вопроса о почитании Имени Божия, в котором все существо православия выявляется. Нужно же принести, наконец, покаяние в догматическом фарисеизме. Сама история нудит нас к творчеству.

В самом деле, мы живем теперь в совершенно новой исторической обстановке, как бы под другим небом и на другой земле. Нас окружает «новая» и уже новейшая история, ее мы должны религиозно осмыслить, чтобы отвергнуть или принять, это не выдумка «нового религиозного сознания». Мог ли блаж. Августин, пред глазами которого произошло падение вечного города под ударами варваров, не поставить пред своим религиозным сознанием этой проблемы, на которую и дает ответ трактат о «О граде Божием», или о путях и о смысле всемирной истории. То было для своего времени, несомненно, проблемой «нового религиозного сознания», которой не существовало для предыдущих поколений христиан. И пред нами теперь стоят проблемы «Града Божия», но в новой, дальнейшей их постановке.

Разве же мы не являемся свидетелями событий тоже потрясающих и мировых, как и блаж. Августин: мировая война, эта европейская катастрофа не то к гибели, не то к спасению, и совершившееся падение русской монархии, имеющее не только политическое, но и религиозное значение для православия.

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые;
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель.
Он в их совет допущен был.

Как же люди церкви осмыслили для себя религиозно и совершившийся переворот, и развертывающиеся перспективы? До сих пор он был принят ими внешне и, так сказать, оппортунистически, с кажущимся безразличием и благодушием. Но ведь у церкви есть свой, теократический идеал власти, от которого она не может отказаться. Поэтому, если мы хотим духовно быть современниками своей современности, нам не уйти от религиозной проблемы власти в новой России, также как и от других, связанных с этой проблемой: об отношении к культуре, к искусству, к социализму и под. Все же эти частные проблемы смыкаются в общую, — о плоти мира или, что то же, о природе общественности. А это в свою очередь влечет за собою и постановку коренного вопроса церковной жизни, — о разделении и воссоединении церквей.

Великих и превеликих мы дерзновенно касаемся вопросов. На это может быть только один ответ: наша святая вера, православие. Во мраке уныния, в глубине печали народной, в горечи разочарований, среди глубочайших

сомнений в народе русском должны мы утверждать пред лицом православия эту новуюдвигающуюся эпоху. Да смоеет же, да очистит и приуготовит себя Невеста Христова к брачному часу, коего ждет человечество чрез всю историю.

Да грядет же скорей этот час!.. Ей, гряди и не закосни.